

Психиатры бьют тревогу: практически в каждом классе сегодня есть дети с теми или иными психическими отклонениями. Что может сделать в такой ситуации обычный школьный учитель? В поисках ответа на этот вопрос корреспондент «Управления школой» Владимир Жулев отправился в дом №30 по Мартеновской улице в Москве, где находится Московский институт маскотерапии (МИМ), который создан удивительным человеком - Гагиком Микаеловичем Назлоян.

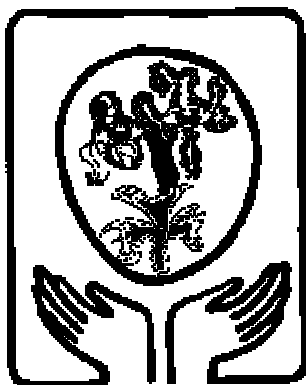
Владимир Жулев

Узнай себя

Парадокс арбатского искусства

Художник по своей природе - врач, исцелитель!
Но если он никого не врачует, то кому и на что он нужен!

Осип Мандельштам

Вспомним хорошо всем знакомый московский Арбат, где художники рисуют портреты желающих попозировать прохожих. Вокруг толпа. Людей магически тянет к себе рождение на глазах образа портретируемого счастливого. Почему? В вестибюле Лувра, например, очень много магазинов, где продаются в неограниченном количестве идеальные копии живописных полотен, древней и новой скульптуры и всевозможные поделки. И только какой-нибудь профессиональный коллекционер сможет отличить оригинал от копии. А для потребителя всего этого зеркального отражения, казалось бы, достаточно. Процесс копирования красоты усовершенствован человеком до нажатия кнопки фотоаппарата, телекамеры или компьютера. Тогда ради чего, спрашивается, рисуют эти уличные художники? «Теперь, занявшись лепкой, я наконец получил ответ, - говорит Гагик Назлоян. - Мое искусство лечит пациента, и поэтому у меня как у художника возникает нравственное удовлетворение. Это искусство без выставок. Искусство для одного человека. Эти скульптуры и рисунки просто являются нашим архивом. Они никуда не вывозятся, нигде не демонстрируются, хотя было много предложений выставить их». По Назлояну, большая душа - это бесконечно одинокая душа.

Безумие - одиночное заключение в тюремной камере своего внутреннего мира. Здоровый человек, если он одинок, - он все равно не один. Есть внутренний собеседник - зеркальный образ. Больной лишен своего отражения - в сознании пусто и безлюдно. Внутренний диалог оборвала болезнь.

Безумная идея в борьбе против безумия

Лучшая маска, какую только мы можем надеть,- это наше собственное лицо.

Фридрих Ницше

Московский институт маскотерапии (МИМ) создан для профилактики и лечения психических расстройств традиционными и нетрадиционными методами. Помимо классических способов лечения (гипноз, психотренинг, рациональная психотерапия, психоанализ и др.), в МИМе впервые начали использовать уникальный метод скульптурной психотерапии. Воздействие на патологическую симптоматику осуществляется в процессе создания врачом реалистического, в натуральную величину портрета душевнобольного. Возникновение и развитие этого метода было следствием выдвижения сотрудниками института на первый план проблемы патологического отчуждения (аутизма), которое, по их мнению, лежит в основе многих психических и психосоматических заболеваний. Новый взгляд на психопатологическую проблему определил общую направленность работы института. Предполагается, что структура аутизма формируется в результате обеднения, искажения, извращения зеркального образа «Я» (архетипа человека и его зеркального двойника). Поэтому терапия, применяемая в МИМе, нацелена на реконструкцию утерянного больным своего зеркального образа. Такое лечение приводит к нормализации внутреннего диалога у больного. Помимо скульптурного портретирования, используется сложная техника автопортрета, когда пациент сам создает свой скульптурный или живописный образ. Часто применяются психотерапевтический грим, комплекс специальных движений в пластической психодраме и многое другое. Лечебный процесс отличается гуманистической направленностью, ибо отменяет авторитарный образ врача. Отношения врача и пациента, то есть художника и модели, протекают в атмосфере совместного творчества. Построенный по канонам портретного искусства психотерапевтический ритуал впервые приобретает жесткие рамки начала, развития и конца, что приводит к возникновению катарсиса - избавления от психического недуга. Применяемое в МИМе лечение является плодом пятнадцатилетнего клинического опыта, интенсивных научных разработок доктора Г. М. Назлояна и его учеников. Арттерапия Назлояна, психиатра, кандидата психологических наук, почетного доктора Института майевтики в Лозанне, получила широкое признание специалистов известных психиатрических и психотерапевтических мировых центров. В Швейцарии, в Лозанне, в его честь исполнялись гимны и поднимались государственные флаги. Его трудам была посвящена научная конференция. Он получил предложение открыть там свою школу. Аналогичные предложения поступали из США, Австралии, ФРГ. С успехом

читал он лекции о своем методе во Франции и Республике Корея, получил в Сеуле специальный диплом. Однажды Гагик Назлоян получил неожиданное приглашение из Африки. Поразительным же в приглашении было то, что его прислали африканские колдуны из Мали и Буркина-Фасо. Они просили приехать и показать, как выглядит на практике метод лечения путем воссоздания в гипсе или камне, в присутствии больного, его скульптурного портрета. В действительности этот метод не имеет никакого отношения к колдовству или шаманству, хотя по своим результатам похож на чудодействие. Мало того, этим методом может воспользоваться даже обычный школьный учитель или психолог. А необходимость в этом есть. «Большинство психических болезней имеет так называемый преморбит, предболезненное состояние, - говорит доктор. - Это состояние попадает как раз на школьные годы, когда ребенок становится подростком и проходит цикл полового созревания. Как правило, преморбит проявляется в отношении к собственной внешности, в отчуждении и уходе в себя. Если взять сейчас любой обычный класс, я увижу в нем больных детей, которые нуждаются в какой-то поддержке именно в этом плане. Учитель может заметить некоторую отчужденность и замкнутость ребенка, неадекватное отношение к своей внешности. Это может проявляться, например, в том, как ребенок одевается, как он сидит. Существует очень много всяких манер и движений, которые говорят, что у ребенка идет внутренняя работа, какое-то мучительное восприятие самого себя, когда нарушается и искажается его представление о самом себе. Вот этот преморбит и так называемая дисморфофобия часто являются той основой или почвой, из которой в дальнейшем может возникнуть болезнь. Преподаватель обязан чутко реагировать, когда кто-то в классе отчужден. Необходимо искать и фиксировать это отчуждение. С этим надо серьезно работать. Одни гладко выходят из этого состояния, у других это проходит труднее. Связано это обычно либо с какими-то внешними обстоятельствами, либо с внутренними проблемами. Как врачи, мы наблюдали очень много таких мелочей, легких мозговых нарушений, которые есть практически у каждого горожанина, но на которые в клинической психиатрии не принято обращать внимания. Эти нарушения я называю «болезнью горожан». Разного рода легкие диэнцефальные расстройства, некоторая судорожная готовность мозга. То есть на то, что фиксируют нейрофизиологи, клиницисты не обращают внимания, потому что для них это мелочь. Но некоторое время назад, работая в поликлинике, я понял, что на эти мелочи нельзя не обращать внимания. Оказывалось, что труднее всего мне даются именно те пациенты, с которыми, казалось бы, особенно ничего и не происходит. А потом выяснялось, что эти «мелочи» имеют существенное значение тогда, когда человек попадает в некомфортные условия, в том числе и в семье, и в школе. Школьный врач мог бы, понимая, что из таких мелочей возникают большие проблемы, с учетом нашего опыта, предотвращать их рост на ранних стадиях».

Возвращение к самому себе

Лик настоящий воскрес, лик балаганный пропал.

Лукреций

Примечательно, что отличительным признаком психоза Фрейд считал расстройство механизмов образования «я». Незнание деталей своего лица сопровождается еще большим незнанием лиц своих близких – матери, отца, братьев, сестер, жены, ребенка. Разрушение этой способности определяется медициной как аутизм, то есть обращенность только на самого себя, с парадоксальной потерей умения адекватно видеть себя самого («потеря лица»). Эта потеря приводит к выпадению из общественного времени и пространства, а следовательно, и из сферы естественного общения, к замкнутой жизни внутри своего, субъективного времени и пространства. Суть же метода Назлояна как раз и состоит в том, чтобы преодолеть, разрушить это ложное представление и вернуться в истинный мир через время и пространство портрета. Таким образом, вместе с усвоением реалистического взгляда на свою внешность, в диалоге с врачом усваиваются и фундаментальные категории общения, устанавливается гармония между аутистической и реалистической функциями мышления. Человек снова видит самого себя, может смотреть на себя отстраненно, как на своего двойника. Имеется в виду не раздвоение личности, а принципиальная способность выходить за пределы своего «я». И так начинается воссоздание образа больного. Психотерапевт, как подлинный художник, полностью погружается в свое творение, идентифицирует себя с моделью, забывая об осторожности, теряя собственные «защитные механизмы». Он «заболевает» тем, от чего должен вылечить другого. Так больной и врач оказываются в едином психическом поле, центром которого становится рождающийся по правилам искусства скульптурный портрет. Трудно описать силу эмоционального заряда, возникающего в конце лечения и не ослабевающего на всех его этапах. Происходит трансформация внутреннего диалога в диалог «врач - пациент» - так называемый «перенос», когда процедура лечения проходит все ступени, описанные в классическом психоанализе. Но сходство это - формальное, оно имеет отношение к лечебному процессу вообще. Ни принцип либидо (с последующими модификациями), ни представления о комплексах неполноценности (и тем более сложная, вызвавшая споры концепция дифференцированного бессознательного) в рассматриваемом контексте не значимы. Отметим лишь, что известные методы психотерапии, разработанные для преодоления «сопротивления», проникновения в интимные или вытесненные переживания больного, с началом работы над портретом оказываются ненужными. Иногда больные удивляются форме своего уха, носа, рисунку глаз, подбородка. Это и есть первый выход из аутистического плена, первый взгляд на себя со стороны, первая попытка сравнить себя с другими людьми без порочной мифологизации и дисморфофобических установок, искажающих видение мира и человеческих отношений в частности.

Впечатление. В течение часа доктор, почти не глядя на пациента и почти не разговаривая, делал пластилиновую заготовку для его портрета: это состояло в том, что он доводил до идеальной гладкости овальную заготовку, прикрепленную к стене. Как ни странно, эти неторопливые и нейтральные действия нагнетали какое-то напряжение, как будто аккумулировалась некая энергия, скрытая в этом объеме, при том, что непонятна была роль пациента, непонятны медлительные движения врача, как бы лакировавшего и без того безусловно ровную поверхность. И в момент кульминации этого неосязаемого напряжения доктор Назлоян неожиданно резко прервал сеанс, сказав: «Вот из этого и начнет выходить все». И вдруг стало ясно, что представляет собой это и почему оно вызывает такое внутреннее волнение. «Это» представляло собой идеальное по форме яйцо, то «мировое яйцо», которое плавало в волнах «мирового океана» и которое дало жизнь миру. Это скульптурное воплощение того начала, тех истоков, которое сохраняет человеку его пренатальная (до рождения) память. Это то начало, из которого доктор Назлоян извлекает лик и личность

человека, чтобы вернуть его в истинную и предназначенную ему жизнь.

Известные руководства по психиатрии, наряду с изложением разнообразных способов и средств общения, особо подчеркивают неприемлемость притворства в отношении врача к больному. «Лицемерия, слащавости, а тем более прямой неправды, - писал П.Б. Ганнушкин, - душевнобольной не забудет и не простит...». Вот что написала в предисловии к книге Г.М. Назлояна «ЗЕРКАЛЬНЫЙ ДВОЙНИК» известный ученый Т.В. Цивьян. «Он боролся и борется прежде всего против двух вещей. Первое - против высокомерной дистанции между врачом («знающим истину») и пациентом. И он разрушает эту дистанцию любовью, вживанием в его жизнь и душу через ощущение его лица - личности (портрет), через обмен с ним местами (еще одно, особое воплощение двойничества). Второе - против идеи о процессуальности душевной болезни, идеи, которая, возможно, коренится в секуляризованном понятии прогресса, здесь принимающем ужасные формы: раз начавшись, болезнь должна развиваться в сторону увеличения, «прогрессирования». Это сразу выталкивает больного из общечеловеческого мира. Идти к неповторимости личности через лик, через портрет и оканчивать этот путь катарсисом, выводящим на новый уровень душевного здоровья, предполагающий и новый уровень здоровья духовного, нравственного, - вот к чему пришел доктор Назлоян, вот что одухотворяет его руки». Да, Назлоян не против многих приемов и методов, применяемых обычно психиатрами. Он против главного принципа, восторжествовавшего в отечественной да и мировой психиатрии, - душу нельзя лечить точно так же, как лечат телесные недуги. Здесь требуется гораздо меньше шаблона.

«Все используемые нами техники, - продолжает Г.Н., - произошли от портретной терапии. Самая сложная техника и самая ответственная часть работы заключается в лепке мною или моим учеником портрета пациента. Наряду с этим у нас применяется техника автопортрета. Это когда больные сами лепят свой образ. Есть у нас и такая сложная, профессиональная техника, как раскрашивание лица, которая называется «бодиарттерапия». Ее у нас в институте постоянно практикует Ольга Борисовна Мочалова, профессиональный художник. Этот метод я рекомендовал бы использовать в школьных изостудиях, и многие проблемы решились бы. Мы знаем, что автопортреты художники делают, как правило, в периоды своих кризисов. Это не случайно. Достаточно показательна история создания знаменитого автопортрета Ван-Гога с перевязанным ухом. Да вспомните хотя бы, как, подходя к зеркалу после тревожной, бессонной ночи, вы какое-то время никак не можете «собрать» свое лицо. Думается, что если в чертах лица запечатлен весь жизненный опыт человека, то портрет, исполненный врачом, ключ к нему. Когда мы учим наших больных рисовать, мы пользуемся языком академического искусства. Пациент осваивает этот язык. Лечим весь широкий спектр заболеваний - от речевых расстройств до снижения интеллекта. Я думаю, мы могли бы вести семинары для школьных учителей. У нас есть очень простые техники, которые могли бы усвоить, например, преподаватели рисования. (Психолог тут не подойдет). Технически это недорого, не требует больших помещений, новых удобств. Если мы от слабоумного мальчика требуем профессионализма и ведем его с первых же дней на профессиональном уровне, то здоровые дети в школе - просто настоящий живой источник творчества. А им сейчас на уроках рисования просто дают возможность безалаберно, не очень честно и не очень серьезно относиться к искусству. Ведь это просто какое-то растраниживание времени и сил. Это способ лениться и отвлекаться от настоящего. Здесь некоторые наши

техники маскотерапии могли бы помочь уже близким к болезни детям. Недавно мы провели в пединституте конференцию. Два дня мы вели семинары и читали лекции для педагогов и педагогических психологов. Мы бы с удовольствием прочитали учебный курс арттерапии для специальных детских домов и интернатов». «Чтобы человек приучался работать в совершенно разных условиях, - присоединяется к разговору Ольга Борисовна Мочалова, - мы учим творческому отношению к жизни, вводим в мир искусства. К сожалению, неоправданно рано заканчивают преподавать рисование в школе. В шестом классе, когда человек в общении с другими начинает формироваться как личность, он учится этому общению более предметно. Но в этот момент идут такие предметы, как математика, физика, химия. А эмоциональных предметов не остается. Мне кажется, что рисование должно продлиться хотя бы до девятого класса включительно». В стенах института маскотерапии уроки рисования и живописи улучшают координацию движений, тренируют память, внимательность, обостряют цветовое восприятие. При кажущейся легкости предмет требует сложной и кропотливой умственной работы. Однако «игровое начало», множество способов преподавания позволяют заниматься этой дисциплиной как душевнобольным людям, так и детям, страдающим отставанием в развитии. Занятия строго индивидуальны и зависят от диагноза, поставленного врачом.

Из архива художника института маскотерапии О.Б. Мочаловой

Б.Ш. и А.Ш. - двойняшки.

Б.Ш. Первый сеанс.

Видимо, еще при рождении мальчик был более слабым и чисто подсознательно ощущал эту слабость. В связи с этим в школе, наверное, не очень складывались отношения с ребятами. Утрата же отца, который любил его «больше, чем сестру», позволила болезни окончательно захватить его. Б. не только озлоблен, он недоволен и обижен на прошлое, на настоящее. Это прошлое - корень зла. Если уменьшить влияние этого прошлого, мальчику должно стать лучше. Сделала ему маску «прошлых теней» и, стерев грим ватой, попросила ее сжечь. Когда человек что-то сжигает, он психологически легче избавляется от сжигаемого. Огонь подобен живому существу, исполняющему волю человека.

Второй сеанс.

Говорили с Б. о будущем. О его предназначении. О том, что нужно не сосредоточиваться на сегодняшних недостатках, а верить в лучшее и передавать эту веру окружающим.

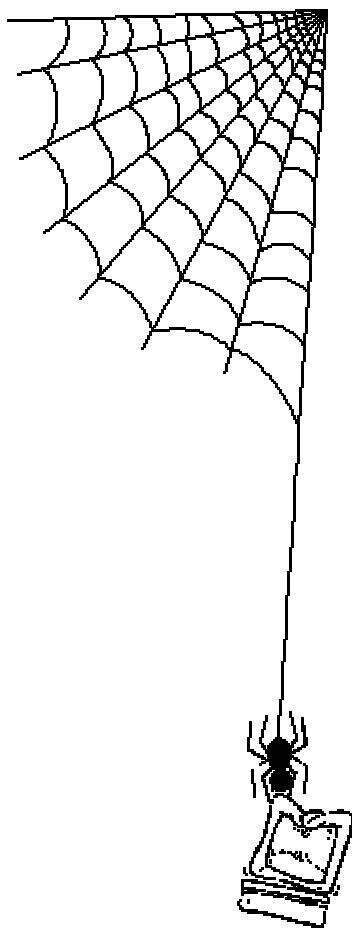
Сделала ему маску «Б. - в хорошем будущем». Вату с остатками этого грима закопали, с уверенным ощущением новой личности Б., которая вернется к нему весной. Она как бы прорастет с молодой травой и всегда будет незримо присутствовать рядом.

Третий сеанс.

Б. написал юмореску! И почти все время сегодня шутил. Хоть маленький, но прорыв сквозь стену пессимизма.

«Маска «лицом к лицу» делается так, что в процессе гримирования человек видит себя только сбоку, - рассказывает Ольга Борисовна. - Когда маска готова, человеку представляется возможность увидеть себя совершенно другим. Эффект от поворота к зеркалу потрясающий. Очень многие люди потом себя долго рассматривают. Молчаливые сразу же начинают говорить, а разговорчивые, наоборот, замолкают. Если у одних все эмоции выходят с разговором, то другие начинают задумываться, осознавая себя.

Гармония в человеке - это прежде всего наличие в нем доброго начала, - продолжает Ольга Борисовна. - Без доброго начала человек не может быть гармоничной личностью, потому что тогда это святое место немедленно приватизируется завистью, злобой и жестокостью. Добрый эмоциональный стержень - залог душевного здоровья человека. У ребенка, любящего рисовать, просто не поднимется рука, чтобы испортить картину или написать на стене какую-то гнусность. Если он рисует красивые античные фигуры, он знает, как устроен человек, насколько хрупок его скелет.

Рисунки одного из пациентов О.Б. Мочаловой.

Мальчик попал в аварию. Мать погибла. Мальчику в процессе операции «вычистили» полголовы, и он из нормального человека превратился в никакого. Это был просто манекен. Ольга Борисовна учила его есть, потому что он не мог даже держать ложку, не говоря уже о том, чтобы попадать ею в суп или в рот. После курса лечения его начали учить всему с нуля – сначала держать карандаш, затем рисовать кружочек, правильно сидеть. Сейчас с мальчиком занимаются по программе художественной школы. Поскольку мозг пациента уничтожен не полностью, у него остался некий запас нервных клеток. Если эти нервные клетки постоянно возбуждать, то они начинают работать и каким-то образом замещают утерянные или больные.

Ему будет трудно выйти на улицу и подраться со сверстником или обидеть животное. Чтобы создать тонкую структуру человека, его необходимо воспитать эмоционально, тогда в его душе будет гармония». На большинство детей оказывают влияние еще и проблемы их родителей, словно бы выкинутых сегодня из жизни. И дети вынуждены подчас любыми способами добиваться материальных благ. Ты добился - молодец! А какими средствами - теперь уже не важно. Взрослые отучают их от радости получения подарков. Хотя и в этом бывают исключения. Когда институту маскотерапии было совсем трудно, Гагик Микаелович куда только не обращался за помощью. Безрезультатно. Почти отчаявшись, пришел к директору Центрального филиала «Технобанка» господину Жаворонкову. Тот без лишних разговоров помог.

Но, к сожалению, это единичный случай. Поэтому сотрудники МИМа просили передать через газету всем, кто может помочь больным детям: ваша поддержка очень нужна.